
АЛЕКСАНДР ЛАДОГИН
СЕРИЯ КНИГ
ЗА ЗАКРЫТЫМИ ДВЕРЯМИ
ПРАВО НА МОЛЧАНИЕ
РОМАН-РАССЛЕДОВАНИЕ
КНИГА ВТОРАЯ

Александр Ладогин
Право на молчание

https://litres.ru/74743107
SelfPub; 2026

Аннотация

Петербург. Январь 2027 года. Ночью на зимней дороге погибает Максим Вершинин — аналитик, проверявший результаты клинических испытаний изделий для детских сердец. Полиция считает причиной аварии скорость и гололёд. Но за полчаса до гибели Максим назначил встречу журналистке. О чём он собирался рассказать?

Финансовому эксперту Антону Лесовому предлагают оценить компанию, за которой стоят большие деньги и разработки, способные спасать детские жизни. Документы выглядят безупречно. Пока Антон не замечает расхождения, которое кто-то пытался скрыть.

Журналистка ищет ответы. Вдова погибшего пытается защитить дочь. Врачи оказываются перед выбором, где профессиональная ошибка и сознательное молчание могут иметь одинаково страшную цену.

Но что, если правда, способная спасти одного ребёнка, разрушит жизнь другого? И кто вправе решать, какую часть правды можно открыть?

«Право на молчание» — самостоятельная история серии «За закрытыми дверями», которую можно читать без знакомства с первой книгой.

Содержание

Часть первая. Выбыл по решению родителей 5
Глава вторая. Абонент недоступен 19
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Право на молчание

Часть первая. Выбыл по решению родителей

Глава первая. Последний визит

I

Санкт-Петербург, Петроградская сторона. Четверг, 28 января 2027 года.

Кофемашина на четвёртом этаже думала дольше обычно-

го, урчала, мигала синим и наконец вывела на экран два слова: «Ошибка данных».

— Хоть кто-то у нас пишет честно, – одобрил Вершинин.

Кулагин, стоявший за ним с пустой кружкой, засмеялся не сразу: в «КлинДате» шутки доходили с задержкой, как ответы центров на запросы.

— Макс, ты спишь вообще?

— По данным – да. По жизни – посмотрим.

Он постучал по боку машины костяшкой. Машина подумала и выдала чёрный кофе, хотя он просил с молоком. Вершинин взял и это.

Его выгородка выходила окном во двор бывшей фабрики, где теперь сдавали этажи всем, кто умел работать за компьютером и не умел за станком. После оттепели ударил мороз, и дворник с половины восьмого скалывал лёд у крыльца с тем упрямым звуком, с каким забивают сваю. Ноутбук был пристёгнут тросиком к столу: политика компании, данные пациентов из офиса не выносят.

Он открыл систему, вслепую набрал номер субъекта и подождал, пока загрузится карта.

02-017. За этим номером стоял ребёнок, которого Вершинин ни разу не видел.

Карта открылась на той же странице, что вчера и позавчера. В правом углу висел жёлтый флажок. Запрос монитора от второго сентября: «Подтвердите, пожалуйста, дату выбытия». Статус: открыт. Кристина Шалагина ставила такие

флажки вежливо и навсегда. Пятый месяц на запрос никто не отвечал, и никто его не закрывал. Вершинин открывал карту каждое утро, проверял флажок и закрывал окно, как проверяют утюг, про который точно знают, что он выключен.

В сентябре он один раз написал Жуковец, что события нет в модуле безопасности спонсора, и получил ответ в коридоре, устно: «Передано другим каналом. Это вопрос процедуры». В октябре позвонил в службу безопасности «Сердолика». Голос на том конце сказал: «Я в курсе. Я передал наверх. Не звоните на этот номер». Больше он никуда не писал. Пока запрос был открыт, вопрос считался заданным.

На втором мониторе светилась база новой группы. Он настроил её сам две недели назад: диапазоны, обязательные поля, пороги, проверка на то, чтобы рост не путали с весом. Первая строка была заполнена заранее, по плану: «03-Б01, 16 кг, 22 мм, имплантация 01.02». На ней он задержался дольше, чем на флажке, и постучал по столу двумя пальцами – шесть раз, а после паузы ещё один – и убрал руку на колено.

Он открыл карточку центра 03. Карточки на каждый центр он заводил сам: адрес, координатор, часы приёма, «Главный исследователь: Гарипов Р.» и мобильный для срочных вопросов по данным. Номер он набрал весь, до последней цифры. Шестнадцать килограммов, двадцать два миллиметра, понедельник. Одна фраза в трубку, и в понедельник в Казани ничего не поставят. Большой палец встал над зелёной кнопкой и не опустился. Статистик подрядчика,

который звонит главному исследователю в обход спонсора, к обеду перестаёт быть статистиком без имени. И понедельник, который он назначил себе сам, становится не нужен. Он стёр номер по одной цифре, справа налево, закрыл карточку, и строка «03-Б01» снова встала первой.

Илона Эдгаровна вошла без стука. Она всегда входила так, словно дверь была формальностью, которую она терпит из уважения к пожарной инспекции. Высокая, с короткой платиновой стрижкой, в сером костюме по фигуре. В одной руке ручка, в другой телефон; второй гудел в кармане.

— Хвосты по когорте Б закрыть до понедельника.

— По Б открыто девять запросов, – ответил Вершинин монитору. – Семь закрою сегодня. Два ждут центр, центр ответит, когда ответит. Общая очистка – девяносто четыре процента, к пятнице будет девяносто восемь.

— Давайте без эмоций, Максим Борисович.

— Это цифры, Илона Эдгаровна.

Ручка дважды щёлкнула. Он смотрел на её руки, на манжет, на часы с тонким ремешком, на что угодно, кроме лица: с лицами у него всегда было хуже, чем с таблицами.

— В понедельник база должна быть чистой, – сказала она уже от двери. – И вы плохо выглядите. Больничные в феврале мне не нужны.

Второй телефон загудел снова. Она ответила на ходу, и дверь за ней закрылась на доводчике медленнее, чем она шла.

Вершинин подождал, пока стихнут каблуки, прикрыл дверь плотнее и подошёл к окну. Дворник внизу как раз отбил от крыльца пласт льда величиной с крышку рояля. Номер Вершинин набрал по памяти.

— Святослав Аркадьевич, это Вершинин. Я буду у вас вечером.

— Приезжай, голубчик. – Голос был тёплый, низкий, лекционный, с той интонацией, которой хорошие хирурги успокаивают родителей в коридоре. – Поговорим по-взрослому.

Он положил телефон экраном вниз и сел.

В начале первого телефон зажужжал. Писала Сима, судя по времени, с перемены: «пап, карта в камере опять не читается». И фотография: его старая экшн-камера на верстаке, рядом липовая заготовка, из которой уже проступала острая морда.

«Не форматируй. Вечером сниму образ».

«а если я уже нажала»

«Тогда вечером сниму образ с того, что осталось. Не нажимай».

«ну такое»

Следом пришла картинка с лисой, которая закатывала глаза. Вершинин сунул руку в карман куртки и нащупал связку. Флешка висела на одном кольце с ключами от машины, а на флешке – деревянная лиса, которую Сима вырезала в шестом классе на технологии. Уши у лисы вышли разной длины. Сима тогда объяснила, что так задумано: лиса при-

слушивается.

К пяти часам он закрыл семь запросов из девяти, как обещал.

II

Тот же день, без десяти шесть.

Машина за день промёрзла, и стекло оттаивало снизу вверх, неохотно, полосой. Вершинин сидел с работающим двигателем, грел руки о руль и ждал, когда станет видно хоть что-нибудь, кроме собственного дыхания. Ноутбук остался на столе, под тросиком. С собой были телефон, ключи и лиса.

Позвонила Евгения.

— Давай по порядку, – начала она, как начинала всё, от ремонта до отпуска. – Во-первых, твоя дочь сказала, что подаст документы в колледж без моей подписи. Во-вторых, она знает, что без моей подписи их не примут. В-третьих, она всё равно так сказала.

— Поговори с ней, только телефон не читай.

— Я не читаю, я смотрю. Это разные глаголы.

— Женя.

— Номер, между прочим, оформлен на меня. – Она помолчала ровно столько, сколько нужно, чтобы он успел устыдиться за неё. – Ладно. Не буду. Она с утра даже шапку не одела.

— Надела, – поправил Вершинин. – Сколько лет я этого ждал.

Евгения засмеялась, коротко и против воли. Он любил

этот смех больше, чем её правоту, и знал, что правота у неё бывает чаще.

— Не подлизывайся! И ящик у тебя в столе опять заело. Я хотела взять скотч, дёрнула, а он ни туда ни сюда.

— Не трогай, там письмо. Я сам.

— Кому?

— Одним людям. Вечером расскажу.

— Ты когда будешь?

— К одиннадцати. Заеду в Репино, к Лебединскому. По работе.

— На ночь глядя?

— Он по четвергам добрый.

Она хмыкнула. Стекло к этому времени оттаяло до половины, и в нём проявился двор: мусорные баки в снежных шапках, чья-то «Нива» с сугробом на крыше, дворник, который теперь курил, опершись на лом.

— Позвони, как поедешь обратно, – попросила Евгения. – И не гони.

— Я не умею гнать. У меня медиана.

До Ушаковского моста он стоял в пробке, на Приморском проспекте поехал быстрее. Слева, над заливом, поднималась башня «Лахта-центра», вся в огнях, и верхушка её уходила в низкое небо, и облако держалось на ней, как на игле. Вершинин видел её каждый вечер восьмой год, с тех пор как переехали, и каждый вечер она была выше, чем он помнил.

У поворота к дому он по привычке включил правый по-

воротник. Щелчки пошли ровно, как метроном у Симы на старом пианино, на котором никто не играл. Он послушал их, выключил и поехал прямо, мимо Ольгина, мимо Лисьего Носа, туда, где шоссе темнело и становилось уже.

III

Репино. Вечер.

Дом Лебединского стоял в соснах, на улице, которая за последним фонарём упиралась в сугроб. Калитка открывалась сама, по кнопке, и закрывалась за спиной с тем же мягким щелчком, что и дверь в «КлинДате».

В гостиной горел камин. Старый рыжий сеттер поднялся навстречу гостю, обнюхал ему колени, вздохнул, как человек, которому опять привезли не того, и лёг обратно, к огню.

— Шунт, – представил его Лебединский. – Ему четырнадцать. По собачьим меркам он старше меня, а ведёт себя как ординатор.

Профессор был в домашнем свитере, седой ёжик, очки-половинки на шнурке. Руки у него были крупные, чистые, спокойные. Время от времени он тёр пальцы друг о друга, медленно, будто мыл их без воды, и сам этого не замечал.

Чай подали в тонких чашках, печенье – на блюдце рядом с хозяином. Шунт выждал минут десять, поднялся, деловито подошёл к столику и снял с профессорского блюдца одно печенье. Ушёл на место не оглядываясь.

— Единственный, кто у меня не боится авторитетов, – сказал Лебединский. – Я его за это и держу.

Говорил он хорошо. На совещаниях профессор говорил для зала, а здесь – для одного, и это было сильнее. Импортные устройства идут с перебоями, и не на все размеры. В городе двадцать детей в листе ожидания, двадцать, голубчик, он видел их карты, некоторых держал на руках. Ребёнку, которому не хватило размера, пилят грудину. Это шрам на всю жизнь, это искусственное кровообращение, это неделя в реанимации и мать, которая спит на стуле.

Всё это было правдой, по крайней мере наполовину. Вершинин слушал.

— Дай два месяца, – попросил профессор и положил ладонь на подлокотник, совсем рядом с его рукой. – Подадим заявление, получим транш, дополнение по безопасности я отправлю сам. Сам, слышишь? Своей подписью!

— До понедельника. Потом редакция.

— Голубчик, ты статистик. Ты лучше меня знаешь, что такое один случай.

— Знаю. Это выброс, пока он не повторился.

— Вот именно.

— В августе мне тоже говорили, что всё уйдёт куда надо. Само.

Лебединский снял очки, подышал на них и протёр краем свитера. Без очков лицо у него стало старше и мягче.

— Тогда мы все поторопились. Я не спорю. Но поправлять это газетой – всё равно что поправлять шов топором.

Вершинин перевёл глаза на огонь. Спорить он не умел.

Разговор шёл кругами, и каждый круг был чуть уже предыдущего.

В половине одиннадцатого профессор поднялся и принёс с полки альбом.

— Посмотри. Ты этого не видел.

Отделение девяностых. Кафель до потолка, кровати с колёсами, медсёстры в высоких колпаках. Молодой Лебединский с усами, рядом аппарат искусственного кровообращения размером с холодильник.

— Это девяносто четвёртый. Усы я потом сбрил: дети пугались усов больше, чем операции.

Пока листали альбом, Лебединский сам завернул ему в бумажную салфетку печенье с блюдца – всё, что не успел Шунт. Заворачивал долго, конвертом, углы внутрь.

— В дорогу. Ты же не ужинал.

Часы над камином показали без двадцати одиннадцать, потом без десяти, потом одиннадцать. Он мог встать в любую минуту и не вставал. Уходить посреди альбома казалось грубее, чем остаться, и он остался, как оставался всю жизнь там, где вежливее было остаться.

У калитки было минус двенадцать. Звёзды стояли над соснами низко и резко. Лебединский вышел проводить в накинутой куртке, Шунт – следом, без всякой охоты, ради порядка.

— Двадцать, Максим. – Профессор сказал это без нажима, почти ласково. – Ты их не видел. Я видел.

Вершинин ничего не ответил. Он сел в машину и захлопнул дверь, и Лебединский ещё постоял у калитки, подняв руку, как провожают внуков.

В телефоне было непрочитанное, от Евгении, в 20:52: «Сима ушла к Еве. Поругались из-за телефона. Не звони ей, пусть остынет. Ты когда?»

Он прочёл дважды. Не звони – значит, не звони. Женя бывала права чаще, чем он, – это он уже говорил себе сегодня. Ей самой он тоже не позвонил, хотя обещал: пусть сначала остынут обе.

В 23:08 он написал другому человеку:

«Был у Л. Он просит два месяца. Я отказал. Завтра в 10, как договорились. Привезу всё».

Отправил, положил телефон на пассажирское сиденье и повернул ключ.

IV

Приморское шоссе. Половина двенадцатого.

Регистратор пискнул и начал писать. Писал он со звуком: Вершинин с осени собирался это отключить, каждый раз вспоминал об этом за рулём и каждый раз забывал, когда выходил из машины.

Шоссе после оттепели схватилось накатом. Под фонарями снег лежал серый, плотный, а между фонарями темнели гладкие пятна, и шины на них на долю секунды замолкали. Он шёл сорок, не больше. Слева за соснами спали дачи, справа за деревьями угадывался залив – не видом, а пустотой.

В Солнечном он свернул на стоянку у пляжа и встал. Двигатель оставил работать. Стоянка была пустая, только сугробы по краям и одинокий фонарь, под которым кто-то днём лепил снеговика и не долепил. За пляжем лежал лёд, белый у берега и чёрный дальше, а на том краю, ниткой, горели огни Кронштадта и дамбы.

Он взял телефон, написал короткое сообщение, отправил и смотрел на экран, пока тот не потемнел сам, без его участия.

Потом сидел. Брал телефон и клал обратно. Брал ещё раз. Пальцы стучали по рулю, по два, отсчитывая что-то, что никак не сходилось.

— Понедельник, – сказал он вслух. – Казань в понедельник.

Голос в пустой машине прозвучал чужим. Печка гудела, на стекле со стороны залива оседал иней. Через семь минут он включил передачу и выехал на шоссе.

Начался Сестрорецк, заборы санаториев, редкие окна. Ограничение шестьдесят он помнил, но не разгонялся и до пятидесяти.

В 23:34 телефон засветился. Вершинин ответил кнопкой на руле, и в салоне раздался тот же тёплый голос:

— Голубчик, я ещё подумал…

— Слушаю.

Дорога шла мимо тёмных домов и светлых заборов. Машина сбавила ход. Пальцы Вершинина дважды стукнули по

рулю и замерли. Фонари проходили над крышей один за другим, через равные промежутки, и он, кажется, начал их считать, а потом перестал. Разговор шёл долго, и почти всё время говорил один голос.

Когда экран погас, Вершинин выдохнул, длинно, до самого дна, как выдыхают после того, как отнесли наверх что-то тяжёлое.

Через минуту телефон засветился снова. Он ответил, не глядя на экран:

— Да.

В динамике заговорили. Вершинин слушал, глядя на дорогу, и стрелка на приборе пошла вправо.

V

Васильевский остров, 14-я линия. Без пяти двенадцать.

Алиса вышла из душа с полотенцем на голове и первым делом посмотрела не на телефон, а на плиту. Кастрюля с гречкой стояла на ней с девяти вечера, выключенная, и всё равно выглядела так, будто ждала своего часа, чтобы пригореть. Алиса переставила её на холодную конфорку. Доверия это не прибавило.

Отцовские часы лежали на столе. Она завела их, восемь тугих оборотов колёсика, как заводила каждый вечер с октября, и только после этого взяла телефон.

«Был у Л. Он просит два месяца. Я отказал. Завтра в 10, как договорились. Привезу всё».

23:08. Почти час назад. Она прочла дважды, второй раз

медленнее, ища, что он мог написать между строк. Между строк было пусто, и это было похоже на него. В понедельник у Чёрной речки он говорил так же: цифрами, без прилагательных, глядя в стол, а не ей в лицо. «Кто это сделал, покажет журнал. Выводов до пятницы не делайте». До пятницы оставалось пять минут.

Она ответила: «Да. В 10».

Сообщение ушло и осталось с одной серой галочкой.

Алиса нажала вызов. Гудков не было. Вместо них ровный женский голос, без всякого интереса к её делам, сообщил, что аппарат абонента выключен. Она положила телефон на стол рядом с часами. У человека, который в 23:08 обещал привезти всё, мог сесть телефон. Он мог выключить его, чтобы не звонили, мог уснуть. Мог.

Она открыла блокнот на чистой странице и написала: «23:08 – Л.».

Подумала и ниже: «23:55 – выкл.».

За окном, в доме напротив, сосед с драконом на халате вышел на балкон покурить и помахал ей сигаретой. Над крышами Четырнадцатой линии висело низкое рыжее небо, какое бывает в Петербурге только в мороз, когда город светит вверх и облака возвращают ему свет.

Гречку она так и не съела. В 00:20 она набрала номер снова.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Глава вторая. Абонент недоступен

I

Старая Деревня, кафе у метро. Пятница, 29 января.

Столик у окна Алиса заняла без четверти десять. Ноутбук открыла сразу, хотя открывать на нём было нечего: в папке «Л.» лежали две фотографии, присланные неделю назад, а всё остальное он обещал привезти сам. Ей нужен был журнал. Не фотографии, не пересказ, не его честное лицо, а таблица, в которой написано, кто, когда и что нажал.

В окне был перекрёсток у Савушкина, грязный снег вдоль поребрика и маршрутки, которые подъезжали к остановке с видом благодетелей. Небо висело над Старой Деревней низко, цвета мокрого асфальта, и обещало снег.

В десять он не пришёл. В десять ноль пять тоже.

Она набрала номер. Тот же ровный женский голос сообщил ей то же самое, что ночью, и, кажется, с тем же отсутствием интереса.

— Вам ещё что-нибудь? – спросил официант, молодой, с серьгой и вежливостью человека, которому платят почасово.

— Пока нет. Я жду.

— Тогда могу предложить кофе ожидания. – Он произнёс это совершенно серьёзно. – Бесплатная доливка. Для тех, к кому не пришли.

— У вас это часто?

— По пятницам. В понедельник приходят все, к пятнице устают.

Алиса взяла кофе ожидания. Он оказался обычным американо, только официант теперь подходил к ней каждые десять минут с кофейником и сочувствием, и это сочувствие было хуже доливки.

В понедельник, у Чёрной речки, он пришёл на пять минут раньше неё. Высокий, сутулый, в очках в стальной оправе. Положил на стол ключи – деревянная лиса на брелоке, с ушами разной длины, – и весь разговор смотрел на лису, а не на неё. Говорил цифрами. Дал телефон девушки из компании,

на чьём сервере стоит база: «Стефания. Она знает, где что лежит. Но говорить с вами будет, только если я попрошу». И сказал главное, ради чего, видимо, и пришёл: «Кто это сделал, покажет журнал. Выводов до пятницы не делайте».

Сегодня была пятница. Выводов она не делала. Она ждала.

В 10:40 Алиса позвонила Стефании. Абонент недоступен. В 10:50 закрыла ноутбук, оставила на столе деньги за три кофе, хотя платить полагалось за один, и вышла.

У метро ветер с залива бил в лицо мелкой ледяной крупой. Алиса стояла у стеклянных дверей и обновляла ленту: ждать было нечего, просто руки сами искали работу.

В 11:20 канал «Сердолика» опубликовал заявление.

«О необоснованных слухах вокруг испытаний „Заслона“. В связи с поступающими запросами сообщаем, что клиническое испытание проводится в строгом соответствии с законодательством и программой, одобренной этическим комитетом. Все нежелательные явления регистрируются и оцениваются в установленном порядке. Связь каких-либо серьёзных нежелательных явлений с изделием не установлена. Распространение непроверенных сведений наносит вред детям, которые ждут помощи».

Свой запрос «Сердолику» она отправила в среду вечером, по всем правилам: шесть вопросов, номер редакционного удостоверения, срок ответа по закону. Ей не ответили. Ответили всем сразу, на двенадцать тысяч подписчиков, и в отве-

те было пять её вопросов из шести, только без вопросительных знаков.

Шестой был о том, кто вправе пометить форму ошибочной. Его в заявлении не было.

II

Редакция у Большого проспекта.

Эрнест Гайдуков собирался в Москву так, как другие собираются в эвакуацию: быстро, зло и с полной уверенностью, что вернуться не дадут. На столе у него лежали две рубашки, зарядка, папка с бюджетом и томик, который он брал во все командировки и ни в одной не открыл.

— Сам вызвал на две недели, – сообщил он, заталкивая рубашку в сумку. – Хочет обсудить будущее. «Сапсан» в половине второго. Что у тебя?

— Источник не пришёл. Телефон выключен с ночи. Девушка, чей номер он мне дал, тоже недоступна. А в одиннадцать двадцать «Сердолик» ответил на мой запрос. Всем, кроме меня.

Она протянула ему телефон. Эрнест прочёл заявление, держа экран на вытянутой руке, как держат счёт в ресторане, где не собирались ужинать.

— Хорошо пишут. Ни одного прилагательного, которое можно опровергнуть. – Он вернул телефон. – Значит, твой человек передумал.

— Или с ним что-то случилось.

Эрнест застегнул сумку и только после этого посмотрел

на неё. Взгляд у него был тот самый, каким он восемь лет встречал её лучшие тексты: усталый и заранее несогласный.

— Тогда правило. Ничего о смерти, если это смерть, до подтверждения. Официального, не от соседа по даче. И ничего о больнице, пока больница не ответит. Отправь им запрос сегодня. У них семь дней.

— А его к тому дню может не стать совсем.

— Люди не исчезают, Шелестова. Исчезают тексты, которые напечатали раньше времени. – Он надел куртку. – И ещё. Кактус. Раз в неделю, не чаще. Он не любит внимания.

Кактус на подоконнике слушал это правило, судя по виду, лет двадцать и ни разу его не нарушил. Алиса кивнула ему, кактус ей не ответил.

Письмо от источника пришло в редакцию двадцать первого, на общий адрес, и Эрнест переслал его ей с одним словом: «Посмотри». Первая строка была странная: «В 2010-м вы не напечатали. Сейчас повод есть». Алиса тогда спросила, что было в десятом. Эрнест сказал, что в десятом был заместителем и что не напечатали они в тот год много чего и что это не повод. Сейчас, у двери, с сумкой на плече, он задержался на секунду. Ничего не добавил.

Когда стихли его шаги на лестнице, Алиса набрала «Клин-Дату». Номер был на сайте, приёмная, мягкий женский голос с интонацией хорошо обученного персонала.

— Добрый день. Мне нужен Вершинин, ваш статистик.

— Максим Борисович у нас больше не работает.

— С какого числа?

— Эту информацию я предоставить не могу. Если вы по вопросу сотрудничества, я переключу вас на отдел…

Алиса положила трубку. В 23:08 он писал ей «завтра в 10». Сейчас был полдень того самого завтра, и у его фирмы уже готова была формулировка. Вежливая, законченная, отрепетированная.

III

Там же. Половина первого.

Хроникёр сидел через два стола, у окна во двор, и разговаривал с полицией по телефону так, как другие разговаривают с мамой: ласково и не веря ни одному слову. В редакции его звали по должности, потому что фамилию он менял на каждой второй подписи, а имя никто не помнил.

— Товарищ капитан, золотой мой, я же не прошу протокол! Я прошу время и марку.

Алиса подошла, когда он записывал в блокнот, придерживая телефон плечом. На экране его ноутбука висела сводка ГИБДД за ночь, третья строка сверху.

«28 января около 23:40 на Приморском шоссе в Сестрорецке, в районе Разлива, водитель автомобиля „Тойота“, 1985 года рождения, выехал на полосу встречного движения и совершил столкновение с грузовым автомобилем. Водитель „Тойоты“ погиб на месте. Водитель грузового автомобиля госпитализирован».

— Что это?

— Это пятница, – сказал хроникёр, не отрываясь от блокнота. – Гололёд, Курортный район, «Тойота» в лоб на хлебовозку. Каждую зиму одно и то же. Хочешь, я тебе таких на неделю вперёд напишу.

— Время точное есть?

— Сорок одна минута двенадцатого, по камере. – Он сверился с блокнотом. – Машина серая, номера питерские. Водитель из Лахты. Фамилию официально не дают, родственникам сообщали ночью. А неофициально мне капитан сказал, по-человечески: Вершинин. Тебе зачем?

Алиса не ответила. Она читала сводку и считала. 23:08 – сообщение. 23:40 – Разлив. 23:55 – «аппарат абонента выключен». Она позвонила через четырнадцать минут после удара и решила, что у человека сел телефон.

Серая «Тойота». В понедельник он припарковался у Чёрной речки прямо под знаком, и она тогда подумала, что статистик, который паркуется под знаком, либо очень спешит, либо очень устал.

— Шелестова! – окликнул хроникёр. – Тебе плохо?

— Нет. Мне надо позвонить.

Звонить она не стала. Разлив был в трёх улицах от маминого дома. Мама вставала в семь, включала радио на кухне и слушала новости района, как слушают родственников. Мама, конечно, уже знала про аварию у Разлива. Не знала только, что это касается дочери. И знать ей это было незачем, по крайней мере сегодня, по крайней мере по телефону.

Алиса вернулась к себе и открыла папку «Л.». Две фотографии: форма с подписью врача и строка «выбыл 14.08.2026».

В 14:00 она отправила запрос в Купчинскую детскую больницу. Пять вопросов, всё по закону, срок ответа – семь дней, как велел Эрнест. Отправила и только тогда заметила, что сидит в пальто.

Главного она сначала не увидела. Сначала она подумала: гололёд. Потом подумала: Разлив. И только потом, глядя на карту в телефоне, на тонкую линию шоссе вдоль залива, увидела, откуда он ехал. Не из города, не с работы. Из Репина. Дом профессора в Репине знал каждый, кто читал про «Заслон»: Лебединский любил давать интервью у своего камина. Сестрорецк стоял на этой дороге первым после Солнечного. Он выехал от «Л.», написал ей «я отказал», и через полчаса его «Тойота» вышла на встречную.

IV

Там же. Начало пятого.

Письмо пришло на её редакционный адрес с ящика, название которого состояло из букв и цифр, как пароль от вайфая в аэропорту. Тема: «К сведению». Текста не было. Был файл: «Справка о сотруднике подрядчика».

Одна страница, без шапки и подписи.

«Вершинин М. Б., 1985 г. р., биостатистик ООО „КлинДата Норд“. В последние месяцы допускал ошибки при обработке данных клинических исследований, в том числе ошиб-

ки ввода и некорректное применение статусов. Замечание от 18.12.2026. По словам коллег, находился в тяжёлом психологическом состоянии, жаловался на бессонницу. Информация, исходящая от указанного лица, может не соответствовать действительности».

Алиса прочла её трижды. На третий раз заметила, что в справке нет ни одной даты, кроме одной, и эта одна – замечание, которого она не видела, от числа, которое ничего ей не говорило. «Тяжёлое психологическое состояние» стояло вплотную к «ошибкам ввода», чтобы их прочли одним взглядом.

И ещё на третьем чтении мысль впервые ушла от «Сердолика». Если эту бумагу прочтут другие, её прочтёт и его жена. Если жена есть. До сих пор у источника были только журнал, лиса на брелоке и серая «Тойота».

Она написала на ящик-пароль: «Кто вы?» Ответ пришёл через секунду, автоматический: адрес не существует.

Тогда она пошла к хроникёру. Он умел находить людей по номеру машины, по фотографии подъезда, по голосу в трубке. Глянул на адрес, вздохнул.

— Одноразовый. Такие живут час. Создал, отправил, удалил. Ни имени, ни телефона. – Он почесал щёку ручкой. – Хочешь совет? Не ищи, кто прислал. Смотри, почему сегодня. В пятницу после обеда такое шлют, чтобы ты все выходные думала.

— Это я и без тебя знаю.

— Тогда зачем пришла?

— Затем, что «знаю» – это не доказательство.

Он пожал плечами и вернулся к своему капитану. Алиса постояла у его стола. За окном двор-колодец уже наполнялся ранней синевой, и в окне напротив кто-то включил гирлянду, оставшуюся с Нового года, – синюю, мигающую, нелепую в пятницу двадцать девятого.

Отправителя ей было не найти. Но у файла, как у любого файла, был паспорт. Она вернулась к себе, щёлкнула правой кнопкой на «Справке» и открыла свойства документа.

V

14-я линия. Вечер.

Дома свойства файла выглядели так же, как в редакции, только страшнее: в редакции была работа, а дома была только она.

Создан: 15.01.2027, 16:40.

Автор: serdolik-pr.

Изменён: 15.01.2027, 17:00.

Алиса сидела на кухне в шарфе, над тремя строками. Если верить свойствам, справку поправили в тот же вечер, через двадцать минут, и больше не трогали. Создали её две недели назад. Пятнадцатого января, в пятницу, без двадцати пять вечера, на компьютере, учётная запись которого называлась так, будто её завела пресс-служба «Сердолика» и не подумала, что кто-нибудь заглянет в свойства.

Свойства файла не нотариус. Их меняет любая програм-

ма, которая пересохраняет файл, и любой человек, которому нужна другая дата. Но если их кто-то менял, зачем ему пятнадцатое и пресс-служба?

Версий она насчитала три и выстроила их столбиком в голове, ещё не на бумаге.

Пресс-служба «Сердолика» написала справку заранее, на всякий случай, и свойства говорят правду. Проверить: чья почта.

Свойства выставили нарочно, чтобы она грешила на «Сердолик». Поссорить спонсора с газетой выгодно не одному «Сердолику»: подрядчику, конкуренту, кому-то третьему. Проверить: чья почта.

Шаблон. Старый файл пресс-службы пересохранили под другой текст, и пятнадцатое – дата шаблона, а не справки. Против: «изменён 15.01, 17:00», двадцать минут правки в тот же вечер. Проверить: чья почта.

Точно она знала одно, и это была не версия: «Прислали в пятницу, после обеда, когда мне некому звонить».

Он написал в редакцию двадцать первого. Если свойства не врут, пятнадцатого его уже начали объяснять. «Ошибки в данных». «Тяжёлое состояние». За шесть дней до того, как он отправил первое письмо, кто-то уже знал, что он может его отправить, и готовил ответ.

Она открыла блокнот на странице, где ночью написала «23:08 – Л.», и стала дописывать столбиком, как учили когда-то на первом курсе, ещё до всего: факты слева, источник

справа.

«15.01, 16:40 – справка создана? Свойства файла, проверить».

«21.01 – его письмо в редакцию. Почта».

«25.01 – Чёрная речка. „Выводов до пятницы не делайте“».

«27.01 – мой запрос „Сердолику“. Почта».

«28.01, 23:08 – „Был у Л. Я отказал“. Телефон».

«28.01, 23:40 – Разлив. Сводка ГИБДД».

«29.01, утро – „больше не работает“. Секретарь».

«29.01, 11:20 – заявление „Сердолика“. Канал».

«29.01, 16:10 – справка в редакцию. Ящик удалён».

Справа от источников она провела ещё одну черту и надписала третью графу: «не знаю». В неё легла одна строка: «23:08 – 23:40. Что было на дороге». Всё остальное умещалось слева.

Между двадцать седьмым и двадцать восьмым она оставила пустую строку и не сводила с неё глаз. В среду вечером она отправила запрос. Шесть вопросов, по закону. Один из них – кто вправе пометить форму ошибочной. Вопрос, который мог задать только человек, видевший журнал. Или человек, которому журнал показали.

В четверг вечером он поехал в Репино.

Слова пришли сами, без её разрешения, тихо и отчётливо, как приходит в голову номер телефона, который давно забыл: его убрали.

Алиса не записала их. Она встала, налила в чайник воды, забыла его включить и вернулась к столу. Отцовские часы лежали рядом с блокнотом. Она завела их, восемь оборотов, и колёсико на седьмом обороте пошло туже, как всегда.

«Его убрали» не было фактом. У этого не было источника справа. Был гололёд, была хлебовозка, был Разлив в трёх улицах от маминого дома и капитан, который сказал фамилию по-человечески. Было «больше не работает», сказанное утром о человеке, который ночью ещё был жив в её телефоне. Это всё можно было записать. Остальное – нет.

Она взяла ручку и под столбиком, под чертой, написала то, что видела:

«По свойствам 15.01 – раньше 21.01. Мой запрос – 27.01. Он ещё не пришёл, а его уже объясняли».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.